Полич С.Б., Дулатова Н.В.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И БАНКРОТСТВО ГРАЖДАН: СООТНОШЕНИЕ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Polich S.B., Dulatova N.V.

JUSTICE AND BANKRUPTCY OF CITIZENS: RELATIONSHIP OF THEORY AND PRACTICE

Вопросы справедливости в праве являются относительно изученным правовым явлением; вместе с тем, применение принципа справедливости в гражданском праве вызывает некоторые расхождения в понимании его сущностной характеристики (принцип гражданского права или принцип осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей), в интересах дальнейшего доктринального изучения принципа справедливости в рамках настоящего исследования поставлена задача «нащупать» квалификационные критерии справедливости при банкротстве граждан (физических лиц); с применением юридической категории справедливость на примере конкретных правоприменительных актов провести «правовую границу» между нормами гражданского законодательства, законодательства о банкротстве и нормами семейного законодательства, обосновать, что обеспечение разумного баланса между интересами кредиторов и интересами семьи при проведении банкротств граждан (физических лиц) достигается с помощью такого принципа гражданского права как справедливость.

Ключевые слова: справедливость в праве, справедливость как принцип гражданского права, справедливость при банкротстве граждан (физических лиц), «справедливый баланс» между интересами кредиторов и интересами семьи.

Equity issues in law are a relatively well-studied legal phenomenon; at the same time, the application of the principle of justice in civil law causes some discrepancies in the understanding of its essential characteristics (the principle of civil law or the principle of the exercise of civil rights and the fulfillment of duties), in the interests of further doctrinal study of the principle of justice within the framework of this study, the task is to “grope” the qualification criteria justice in bankruptcy of citizens (individuals); using the legal category of justice, using the example of specific law enforcement acts to draw a “legal boundary” between the norms of civil law, bankruptcy law and family law, justify that ensuring a reasonable balance between the interests of creditors and the interests of the family when conducting bankruptcies of citizens (individuals) is achieved with using such a principle of civil law as justice.

Keywords: justice in law, justice as a principle of civil law, justice in bankruptcy of citizens (individuals), “fair balance” between the interests of creditors and the interests of the family.

Уже более пяти лет применяются в Российской Федерации законодательные изменения, касающиеся возможности прохождения процедур банкротства гражданами (физическими лицами).

Данные судебной статистики о банкротстве физических лиц однозначно показывают, что граждане Российской Федерации активно «осваивают» данные процедуры. Хотя многие физические лица тер-

риториально удалены от расположенных исключительно в областных центрах субъекта Российской Федерации арбитражных судов, этот факт не снижает «интерес» граждан к «своему» банкротству.

Для начала оговоримся, что справедливость имеет неоднозначную природу, позволяющую устанавливать не только правовые, но и моральные (этические), а также социальные (общественные) ее аспекты.

Сложность определения категории справедливость всегда обусловлена ее оценочным характером, равно «использование» в преобладающем большинстве социальных наук (социологии, политологии, политэкономии, юриспруденции, философии, этики и т.д.).

В самом общем виде справедливость можно определить как баланс или соответствие между конкретным действием и его социальными последствиями.

Справедливость связывает деяние и его последствия, которые соотносятся либо как оценочное вознаграждение либо как общественное порицание, справедливость в рассматриваемом случае выступает лакмусовой бумажкой, определяющую саму по себе соразмерность,

«Действующее законодательство содержит правила о пределах реализации и защиты гражданских прав. Данная конструкция базируется на нескольких принципах, основное место среди которых занимает требование о том, что субъективные гражданские права должны приобретаться, осуществляться и прекращаться с соблюдением принципов добросовестности, разумности и справедливости. Юридические обязанности также должны возлагаться, исполняться, защищаться и прекращаться только с учетом этих требований»[1, С 28].

Вместе с тем, добросовестность, разумность, справедливость не могут быть исключительно принципами осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей в силу одного лишь аргумента: на добросовестности, разумности, справедливости зиждется само по себе гражданское право.

Исходя из данных судебной статистики в первом полугодии 2016 года в арбитражные суды Российской Федерации поступило 14 862 заявлений о признании банкротом гражданина (физического лица), в первом полугодии 2017 года – уже 16 227 таких заявлений, в первом полугодии 2018 года поступило 35 333 заявлений о признании банкротом гражданина (физического лица), наконец, в первом полугодии 2019 года – 37 883 заявления!

По итогам 2016 года в Российской Федерации в суды специальной компетенции (арбитражные суды) поступило 28 911 заявлений о признании банкротом гражданина (физического лица), по итогам 2017 года – уже 36 793 таких заявлений, в 2018 году 54 886 заявлений о признании банкротом гражданина (физического лица), в 2019 году – 91 371 заявление»[7].

Итак, статистические сведения системы государственных судов Российской Федерации свидетельствуют о неуклонном росте потребительского банкротства с незначительным «скачком» в 2018 году»[2].

Но востребованность института потребительского банкротства для современного российского общества, полагаем, не должна нарушать справедливый баланс между интересами «социальных» кредиторов и интересами «частных» кредиторов.

В рамках дела о банкротстве финансовый управляющий обратился с заявлением о признании недействительным соглашения об уплате алиментов. Дело было передано в судебную коллегия по экономическим делам Верховного Суда Российской Федерации.

Отменяя постановление Арбитражного суда округа, и оставляя в силе решение суда первой инстанции и постановление арбитражного апелляционного суда, вышестоящая инстанция констатировала следующее.

Обращаясь с настоящим заявлением, финансовый управляющий в обоснование своего довода о направленности действий сторон алиментного соглашения на причинение вреда единственному кредитору (компания), по сути, указывал, что такое соглашение имело своей целью сокрытие имущества должника от обращения на него взыскания данным кредитором. Подобные действия по смыслу пункта 10 Информационного письма от 25.11.2008 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» содержат в себе признаки злоупотребления правом и являются недопустимыми.

Вместе с тем, при сокрытии имущества от обращения на него взыскания оно остается в имущественной массе и в сфере контроля самого должника, искусственно приобретая черты исполнительского иммунитета.

Особенность же настоящего спора состоит в том, что интересу кредитора о возврате долга не противопоставляется

запрещенный законом интерес должника в уклонении от исполнения взятых на себя обязательств (в связи с чем отсутствует и признак сокрытия имущества), а противопоставляются интересы детей как кредиторов должника.

Таким образом, разрешая вопрос о допустимости оспаривания соглашения, необходимо было соотнести две правовые ценности: права ребенка на уровень жизни, необходимый для его умственного, духовного, нравственного и социального развития (статья 27 Конвенции ООН по правам ребенка), с одной стороны, и закрепленное в статьях 307 и 309 Гражданского кодекса Российской Федерации право кредитора по гражданско-правовому обязательству получить от должника надлежащее исполнение, с другой стороны, - и установления между названными ценностями баланса.

При этом, под соответствующим балансом не может пониматься равенство интересов детей как кредиторов по алиментам и обычных гражданско-правовых кредиторов. Коль скоро Российская Федерация является социальным государством (часть 1 статьи 7 Конституции Российской Федерации), интересы детей имеют приоритетное значение по отношению к обычным кредиторам. Равным образом, данный вывод следует из положений пунктов 2 и 3 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которым алиментные требования к гражданину-банкроту в отличие от иных требований подлежат первоочередному удовлетворению.

Следовательно, недействительность алиментного соглашения применительно к делу о банкротстве сама по себе не может быть обоснована через ссылку на ухудшение этим соглашением положения кредитора по обязательствам с более низкой очередностью удовлетворения.

Для квалификации такой сделки как недействительной необходимо установить, что согласованный (бывшими) супругами размер алиментов носил явно завышенный и чрезмерный характер, чем был причинен вред иным кредиторам гражданина. При этом необходимо исходить не из относительного (процентного) показателя согласованного сторонами размера алиментов, а из абсолютной величины денежных средств, выделенных ребенку (для чего необходимо установить уровень доходов плательщиков алиментов). В случае если такая сумма явно превышает разумно достаточные потребности ребенка в материальном содержании (Постановление Конституционного Суда

Российской Федерации от 14.05.2012 № 11п), то соглашение может быть признано недействительным в части такого превышения, но в любом случае с сохранением в силе соглашения в той части, которая была бы взыскана при установлении алиментов в судебном порядке (статья 81 Семейного кодекса Российской Федерации). Если же признак явного превышения размером алиментов уровня, достаточного для удовлетворения разумных потребностей ребенка, не доказан, то такое соглашение не может быть квалифицировано в качестве причиняющего вред остальным кредиторам должника.

В рамках настоящего дела судами первой и апелляционной инстанции проанализирован конкретный доход Бурняшова Ю.Ю. (по годам) и размер установленных алиментов, данные величины составлены с количеством средств для поддержания достойного уровня жизни трех детей, удовлетворения их разумных потребностей в материальном обеспечении.

Судами установлено, что признак явного завышения размера алиментов отсутствует, в связи с чем ими правомерно отказано в удовлетворении требований финансового управляющего»[4].

Или, неоднократное упоминание в ГК РФ термина «справедливость» имеет юридический смысл в контексте: во всех этих случаях закон предоставляет суду по своему усмотрению решить вопрос, который в законе не решен, но решить его справедливо, принимая во внимание все обстоятельства дела» [3].

Поэтому уклонение супругов (бывших супругов) от исполнения принятых на себя обязательств является несправедливым по отношению к другим кредиторам.

В рамках дела о банкротстве П. конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд о признании недействительным брачного договора, заключенного между супругами, по условиям которого изменен режим совместной собственности: квартира, жилой дом и три земельных участка стали индивидуальной собственностью супруги.

Определением суда первой инстанции требования конкурсного управляющего были удовлетворены, брачный договор признан недействительным.

Суды всех инстанций констатировали факты причинения имущественного вреда интересам кредиторов в силу совокупности следующих обстоятельств.

В соответствии с разъяснениями, изложенными в пункте 5 Постановления

Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы Ш.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пункт 2 статьи 62.1 Закона о банкротстве предусматривает возможность признания недействительными сделки, совершенной должником в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (подозрительная сделка).

Для признания сделки недействительной по данному основанию необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности всех следующих обстоятельств:

а) сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правами кредиторов;

б) в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правами кредиторов;

в) другая сторона знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки...

Согласно абзацу второму-пятому статьи 61.2 Закона о банкротстве цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если налицо одновременно два следующих условия: на момент совершения сделки должник отвечал признакам неплатежеспособности или недостаточности имущества; имеется хотя бы одно из других обстоятельств, предусмотренных абзацем вторым-пятым пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве....

Пунктом 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 предусмотрено, что при решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества, во внимание принимается то, насколько она могла, действуя разумно и проявляя требующуюся от нее по условиям оборота осмотрительность, установить наличие этих обстоятельств.

В силу пункта 3 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации в случаях, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права разумно и добросовестно, разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений предполагаются.

Под злоупотреблением правом понимается поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, сопряженное с нарушением, установленных в статье 10 ГК РФ пределов

осуществления гражданских прав, осуществляемое с незаконной целью или незаконными средствами, нарушающие при этом права и законные интересы других лиц и причиняющее им вред или создающее для этого условия.

Под злоупотреблением субъективным правом следует понимать любые негативные последствия, явившиеся прямым или косвенным результатом осуществления субъективного права.

Одной из форм негативных последствий является материальный вред, под которым понимается всякое умаление материального блага.

При этом для признания факта злоупотребления правом при заключении сделки должно быть установлено наличие умысла у обоих участников сделки (их сознательное, целенаправленное поведение) на причинение вреда иным лицам.

При этом, как верно установлено судом первой инстанции, на момент заключения рассматриваемого брачного договора должник имел обязательства по возмездным сделкам, в том числе обязательства по оплате задолженности в значительных суммах вследствие неисполнения оговоров.

Исходя из доказательств, представленных в материалы дела, и обстоятельств настоящего спора, судом сделан верный вывод о том, что В. не могла не знать о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, поскольку, т. е. заинтересованным по отношению к должнику в соответствии с пунктом 3 статьи 19 Закона о банкротстве.

Таким образом, на момент заключения брачного договора должник имел неисполненные денежные обязательства, договор заключен с заинтересованным лицом. Безвозмездно, с целью вывода имущества из конкурсной массы и исключения возможности обращения взыскания на имущество должника по его обязательствам, а потому является недействительным» [5].

Показательным этой арбитражной судебной практики является следующее: установление справедливого баланса между интересами социально незащищенных граждан, а также семьи в целом и интересами обычных кредиторов. Такой справедливый баланс всегда устанавливается только судом в рамках рассмотрения конкретного судебного дела.

Наконец, представляем еще один интересный аргумент, касающийся возможности соблюдения категории справедливости при банкротстве граждан (физических лиц).

Решением арбитражного суда несостоятельным (банкротом) признан М., в отношении которого введена процедура реализации имущества.

При реализации подобных полномочий, финансовый управляющий заявил о необходимости доступа ему в помещение, и данное ходатайство было удовлетворено.

Суды первой и апелляционной инстанций, установив, что финансовому управляющему необходимо исполнять обязанности, установленные Законом о банкротстве, с целью соблюдения баланса

между имущественными интересами кредиторов и личными планами должника, а исполнение финансового управляющего невозможно без доступа в жилое помещение должника для составления описи его имущества....[6].

Полагаем, что подобная практика арбитражных судов напрямую дискредитирует принцип справедливости, создавая преимущественное положение кредиторов перед конституционным правом должника на неприкосновенность принадлежащего ему имущества.

Литература

1. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. – 1998. - № 8. – С. 28
2. еще раз повторим, заявляемое нами суждение о росте потребительского банкротства имеет условный характер, поскольку de-facto не отражает реальную картину банкротства физических лиц в необходимой совокупности статистических показателей.
3. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922-2006). М. – Статут- 2010.
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 27.10.2017 № 310-ЭС17-9405(1,2).
5. Постановление арбитражного суда Московского округа от 16.04.2018 по делу А40-18791/2016.
6. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 30.11.2017 № Ф06-22535/2017.
7. www.cdep.ru/index.php - дата обращения 11 декабря 2020 года.

References

1. Belov V.A. Conscientiousness, rationality, justice as principles of civil law // Legislation. - 1998. - No. 8. - P. 28
2. Let us repeat once again, our statement about the growth of consumer bankruptcy is conditional, since de-facto does not reflect the real picture of bankruptcy of individuals in the required set of statistical indicators.
3. Makovsky A. L. On the codification of civil law (1922-2006). M. - Statute - 2010.
4. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 27, 2017 No. 310-ES17-9405 (1,2).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of 04/16/2018 in case A40-18791 / 2016.
6. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated November 30, 2017 No. F06-22535 / 2017.
7. www.cdep.ru/index.php - date of treatment December 11, 2020.

ПОЛИЧ Светлана Байрамовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: polichsb@susu.ru

POLICH Svetlana Bayramovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, South Ural State University. 454080, Chelyabinsk, Lenin Ave., 76. E-mail: polichsb@susu.ru

ДУЛАТОВА Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского судопроизводства, Южно-Уральский государственный университет. 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76. E-mail: polichsb@susu.ru

DULATOVA Natalya Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, South Ural State University. 454080, Chelyabinsk, Lenin Ave., 76. E-mail: dulatovanv@susu.ru